

В 2023 году страна отметила 80-летие прорыва фашистской блокады Ленинграда. В течение всего блокадного времени в осаждённом городе находился служивший на артиллерийской базе Александр Николаевич Блохинцев (1912–1994) – впоследствии известный ульяновский краевед, ответственный секретарь Ульяновского областного отделения ВООПИК.

А.Н. Блохинцев. 1943

Ему довелось видеть бомбёжки и артобстрелы, гибель от взрывов и голода, занесённые снегом трупы обессиливших людей, разрушенные взрывами дома... Но одним из самых ярких впечатлений об ужасах блокады стала случайная встреча на ленинградской улице весной 1943 года с двумя девочками-блокадницами и подслушанный их разговор.

Блокадные дети. Весна 1943 года

Из воспоминаний Александра Николаевича Блохинцева
«ЖИЗНЬ и РАБОТА»

Приближалась весна 1943 года, приближался конец нашей учёбы на курсах. В мае мы были направлены на практику, которую проходили в научно-исследовательском артиллерийском полигоне на Охте. Часть Охты, и в частности её железнодорожная станция, лежали в развалинах после сильнейшего взрыва, происшедшего в марте 1942 года, когда снаряд немецкой дальнобойной артиллерии попал в железнодорожный состав, гружённый боеприпасами. Это было в шесть часов ясного мартовского утра, когда у нас на артбазе, находившейся от места взрыва на расстоянии шести километров, взрывной волной отрывало двери зданий, когда мы, поднятые мощным взрывом, выбежали на улицу, не понимая, что и где произошло. Только потом мы узнали, что произошёл сильнейший взрыв от мгновенной детонации целого состава с боеприпасами.

Практика наша шла своим чередом, и однажды, возвращаясь с полигона, я вдруг обратил внимание, что наконец-то по-настоящему пришла весна. Яркое солнце хорошо грело недавно оттаявшую землю. Кое-где на пригорках появилась свежая зелень травы. В глубоких обочинах деревянных тротуаров, обильно заваленных прошлогодней листвой, было много сырости от недавно растаявшего снега. В воздухе стоял запах прели этой листвы и какой-то особенно приятной весенней свежести. Кусты акации и сирени набухали почками. Казалось, что стены строений как будто поёживались и подставляли свои шершавые поверхности под обильные и горячие лучи солнца.

Впереди меня, стуча стоптанными туфлишками по тротуару, шли две девочки. Им было лет по 8–9. Я уже собирался их обгонять, как вдруг уловил содержание их разговора, не по годам взрослого и никак не вязавшегося с радостной весенней обстановкой. Замедлив шаги, я стал внимательно прислушиваться к тому, о чём говорили девочки. Одна подружка рассказывала другой, и её монолог удивил меня.

– Мама стала уже совсем плохая. Она не вставала и всё время лежала в постели. Однажды утром, когда я проснулась, она мне говорит: «Дочка, я умирать буду. Я уж совсем плохо себя чувствую... Когда я умру, ты меня обмой или попроси тётю Машу, чтобы она это сделала. Надень на меня чёрное платье, то, которое в шкафу висит, с цветочками, и чулки на меня надень, и чувыки. Покрой меня простынью, она в комодке лежит. Да скажи в ЖАКТе, что, мол, умерла, и похоронить надо». И мне её стало жалко, так страшно стало... Думала, как же я без неё буду одна жить. Я же ничего не умею и ничего не знаю, и мне так скучно будет... И вот мама умерла. Я всё сделала, как она велела, только тётя Маша помогла мне её одеть,

а обмыть мы её не могли, воды-то ведь не было. И где её взять? Негде. А тётя Маша сказала, что и так можно, не обмывая. Мы так и сделали.

Да! Забыла. Когда мама собиралась умирать, она мне говорила, чтобы я была умненькая и чтобы я старших слушалась. Ну, старших слушаться я знаю как, а вот как быть умненькой, я не знаю, и мама мне не сказала, и тётя Маша тоже. А ты знаешь, как быть умненькой?

– Нет, не знаю.

– Ну вот, видишь, и я не знаю. А ведь надо как-то узнать. И потом я её так целовала, так целовала, когда она ещё не умерла. А потом, как умерла, я её тоже много-много целовала. А когда мёртвую целуют, она слышит или нет? Ты не знаешь?

– Нет, не знаю.

– Вот и я не знаю. И потом мы с ней долго лежали вместе. Только она холодная была, а я всё плакала и плакала, и так мне её жалко было, так жалко!

Я сказала тёте в ЖАКТе, что мама умерла, но никто не приходил. Потом я спала на своей постели, а мама – на своей. И так много-много дней прошло, а потом пришли какие-то дяди и

унесли маму. А я опять плакала, много плакала. Это уже весной её унесли, когда я осталась одна. А вот как быть умненькой, я так и не знаю».

Девочки свернули в палисадник дома, а я шёл своей дорогой, но этот монолог девочки не давал мне покоя... Он, этот монолог, вернул меня к периоду января–февраля 1942 года, когда в блокадном Ленинграде массами умирали женщины, как до этого – в октябре–декабре 1941 года массами умирали с голода мужчины.

Я шёл и удивлялся, как просто, как оживлённо рассказывала эта девочка своей подруге о страшной трагедии. И удивляло меня ещё то, как рано жестокие обстоятельства жизни свели эту девочку с ужасной драмой, с этой невероятно трагической прозой жизни и смерти. И зачем это вообще, и зачем так рано?! И ещё: я шёл и думал – кто знает, сколько тысяч таких трагедий, или подобных этой, разыгралось в потрясающе ужасную зиму 1941–1942 годов в Ленинграде? И сколько таких вот девочек-былинок стали свидетелями ужасных трагедий? И какие силы помогли этим былинкам пережить этот кошмар?! И откуда брались эти силы? Да... а былинки, невзирая ни на что, остались. А былинки живут!

Я уже не замечал прелестей весеннего дня. Я спешил скорее к себе, чтобы записать этот потрясающий меня случай.

